

Отдел I

Несколько замечаний о словарном займствовании.

I.

§ 1. Цель моей небольшой заметки — показать, что словарное заимствование есть сложное лексическое явление, в частности, что оно, как обмен словами между разнородными в языковом отношении группами населения, далеко не всегда является результатом обмена предметами и понятиями («вещами»).

В значительной степени словарное заимствование есть проявление, в условиях междуязыковых сношений, на пнородном языковом материале, лексических отношений и тенденций, существующих в данном заимствующем языке, проявляющихся также на собственном материале этого языка и определяющихся общественностью населения, говорящего на этом языке. Тема эта большая и трудная, особенно в связи с малой разработанностью лексикологии, и я ни в какой мере не предполагаю сколько нибудь подробно разработать ее на этих нескольких страницах. В дальнейшем, исходя из некоторых имеющихся в литературе лексикологических наблюдений, я иллюстрирую свою мысль примерами из области балтийско-финских заимствований в русских говорах Архангельской и б. Олонецкой губ.

Не следует также думать, что я собираюсь исчерпать вопрос в его общей постановке, поскольку уже иллюстративный материал является частным и не характерным для других, может быть весьма отличных от данного, случаев междуязыковых взаимодействий. Однако, мне кажется, что те немногие выводы,

которыми я заканчиваю заметку, если и не являются, конечно, решающими вопрос ответами, то во всяком случае представляются более или менее обоснованными конкретным материалом исходными пунктами для детального исследования.

II.

§ 2. Русское население Архангельской и б. Олонецкой губерний заимствовало от местного балтийско-финского населения некоторые названия животных (ср. Kalima «Die ostseefinischen Lehnwörter im russischen», Helsingfors 1915, стр. 256). Эта группа заимствований в только что указанной работе Kalima разделена на следующие подгруппы: домашние животные, птицы и «другие животные»; к этому нужно еще прибавить три названия для оленя (к подгруппе «домашние животные»; у Kalima в группе «Renntierzucht», о. с. 256 стр.) и названия рыб (особая группа у Kalima, стр. 255). Попробуем разобраться в материале этих заимствований, в частности в их ratio, привлекая в дальнейшем и другие категории заимствований из того же труда Kalima в тех же территориальных пределах.

§ 3. Прежде всего выделяется одна категория заимствований, иллюстрацией которой может служить группа «рыбы» / являясь на новые места, русские колонисты нашего края познакомились, в порядке осуществления рыбного промысла, с новыми видами рыб и, не имея в своем распоряжении особых для них названий, «заимствовали» эти названия у местного финского населения, с которым вступали в связь по линии рыбного промысла, участь у него и новым формам этой хозяйственной деятельности (ср. Kalima, о. с. 259 стр.); в связи с этим стоит, конечно, и заимствование ряда названий для рыболовных снастей и их частей (Kalima, о. с. 254 — 5 стр.).

Эта категория является сравнительно простой с теоретической точки зрения: мы имеем здесь заимствование названия, вызванное заимствованием самой «вещи», исследование здесь должно

идти по формуле «Wörter und Sachen», причем его сложность зависит от того, насколько в руках исследователя имеется соответствующий культурно-исторический материал и насколько сложно его раздобывание и истолкование.

По этой именно линии возможно обследование и некоторых других категорий заимствований, например «Landwirtschaft», «Verkehrsmittel», «Pflanzen», «Tracht und Kleidung» (Kalima, о. с. 254 — 8 стр.).

Однако, данным типом заимствования вопрос о словарном заимствовании ни в коем случае не исчерпывается, хотя обыкновенно имеют ввиду именно этот тип.

III.

§ 4. В подгруппе птицы ratio некоторых заимствований может быть понято также в связи с сказанным в предыдущем параграфе. Сравните, например, арх. алейка—особый вид утки, причем крестьяне пользуются способностью алейки часто нестись: развешивают на длинных шестах по деревьям ящики или корзины, в которых недогадливые птицы устраивают гнезда, и в продолжении лета выбирают оттуда яйца (Подвысоцкий, «Словарь обл. арх. наречия», Спб. 1885. s. v.); арх. гагка — «водящаяся на прибрежных островах, скалах и лудах Белого моря и Северного океана, которую промышляют для добывания ее ценного пуха» (Подвысоцкий, s. v.); арх. пунашка, пунох «прилетающая весной и употребляемая в пищу маленькая птичка из породы подорожников» (Подвысоцкий, s. v.); арх. кукша «лесная хищная птица, пожирающая попавших в силки рябчиков, куропаток и тетеревей» (Подвысоцкий, s. v.). Не так просто, однако, обстоит дело с некоторыми другими названиями птиц, например с названиями гунгач «филин», куга «сова», тикач «дятел» и др., а также с названиями подгруппы «другие животные»: ёлак «летучая мышь», липка «бабочка», мутикашки «головастики лягушки», пармак «овод, слепень», тигачи «комары», товкач «древесный червь», чунжи «дождевые черви»,

шижлик «ящерица»; сюда же можно отнести и ряд случаев из других категорий, напр. пикушной «маленький, невзрачный» вингать «визжать», лембой «черт» и многие другие, к которым я еще вернусь ниже. Здесь, конечно, едва ли можно говорить о заимствовании слова, как результате заимствования вещи (понятия); эти заимствования мы можем понять или как замену своего слова чужим, или как возникновение наряду с своим словом другого — синонимичного (или синонимобразного). Отсюда ясно, что рассмотрение второго типа заимствований должно быть производимо в связи с вопросом о замене слов в языке и о возникновении «синонимов». К сожалению эти вопросы мало исследованы, хотя кое какие данные в литературе имеются.

§ 5. Для выяснения интересующего нас вопроса несомненно полезными являются некоторые наблюдения французских лингвистов школы Жильерона. А. Dauzat (в обзорной работе «La géographie linguistique» 125 стр.) указывает, на основании материала лингвистической географии, что человек в своем языке, как и в мышлении различает то, что ему интересно с утилитарной точки зрения. До остального ему дела нет. В связи с этим обнаруживается неоднородность номинативной системы (системы названий — терминов) данного языка. Возвращаясь далее к этому вопросу (о. с. 140—1 стр.) Dauzat говорит следующее: «les termes d'une utilisation fréquente souvent employés dans les relations entre localités et contrées diverses, conservent une stabilité plus grande que les vocables rares, qui reviennent à intervalles éloignés dans la conversation et qui sont par suite, plus sujets à se déformer et à se spécialiser dans chaque pays, voire dans chaque village. Ainsi les noms de plantes et d'animaux, spécialement d'insectes qui ne sont ni utiles ni nuisibles, ni très communs, tel que le scarabée, la blatte, le ver luisant etc., présenteront le maximum des variations dans une région donnée. Une différence remarquable s'offre à cet égard, pour les animaux domestiques, entre les animaux de trait ou de boucherie et les mâles reproducteurs: tandis que le bœuf, le veau,

le mouton, la vache, l'oie, le porc, le cheval, l'âne portent le même nom à peu près dans toute la France, voire au delà, en revanche il y a de grandes variétés pour les noms de taureau, du belier, du jars, du verrat, par suite d'une moins grande fréquence de type et d'emploi». Таким образом Dauzat, на основании данных лингвистической географии, устанавливает две лексические категории устойчивую и неустойчивую, причем устойчивость и неустойчивость определяются функцией «вещи», обозначаемой данным словом, в общественной жизни данного населения (в связи с чем стоит большая или меньшая частота употребления слова) и тем фактом, насколько, данная «вещь» (а следовательно и слово) являются предметом широкого обмена между различными местностями. В области неустойчивой категории обнаруживается большое разнообразие, пестрота терминов в пределах данной территории, напр. Франции. Термины неустойчивой категории в большей степени подвергаются деформации, в частности, конечно, и заменам. (Это не значит, что всякая пестрота терминов появилась вследствие замен и является вторичной по отношению к предшествовавшему периоду «единства» и единообразия терминологии). Подчеркиваю то, что Dauzat говорит о названиях животных, которые ни полезны, ни вредны, ни очень обыденны. Ясно, что в зависимости от степени полезности и вредности данного животного в данной местности, его название оказывается более или менее устойчивым (при прочих равных условиях).

§ 6. Любопытно, что русский диалектолог-этнограф Волоцкой (Сборник материалов для изучения Ростовского говора, Ярославской губ. «Сб. ОРЯС, т. LXXII, № 3, Петербург, 1902, стр. 5) пришел к очень схожим наблюдениям на словарном материале Ростовского уезда. Он указывает, например, что «насколько богата речь ростовского крестьянина словами для выражения житейских отношений или характеристики, иногда чрезвычайно меткой, внутренних и внешних свойств человека или домашнего животного, настолько она бедна, даже нища, словами

служащими для названия малых животных и растений, не имеющих непосредственного отношения к хозяйству. Тот же Волоцкой отмечает с одной стороны распространенность слов «мужского хозяйства», вроде оглобля, дуга, чека, на всем пространстве коренной России и удивительное разнообразие слов «женского хозяйства» и домашнего обихода (о. с. стр. 5).

§ 7. Если мы обратимся к тем из наших названий животных (часть птиц и «другие животные»), где трудно предполагать заимствование самой «вещи», то мы увидим сразу, что они входят в число неустойчивых элементов словаря, как с одной стороны не являющиеся предметом обмена на широкой территории по своей функции в быту населения, а с другой стороны не имеющие непосредственного отношения к хозяйству. В связи с этим находится и то обстоятельство, что животные, обозначенные этими названиями, имеют очень пеструю терминологию, как в нашем районе, так и в других. Приведу некоторые примеры. Сравним для «летучей мыши» (в одной Олонецкой губ.) кроме нашего ёлак, следующие термины: кожанка, летяга, ашкуд, натопырь, полеташка, ременица; для «головастика»: мути-кашки, бубах, живаренок, мормыш, благовица, паголовка, паголица и др. и для самой «лягушки»: скакуха, холодянка, потыкашка, клоктуша, квакуша и пр. для «дятла»: тикач, долбилка, желна, дегтяр, дяктел; для «ящерицы»: шижлик, жегальница, жужелица, поясница, щур, ящера; для «бабочки» бабурка, ласточка, косатка; и т. п.

Поскольку мы имеем здесь дело с неустойчивыми элементами словаря, постольку нам ясно общее условие возникновения заимствований: при соприкосновении с чужим языковым материалом в первую очередь, конечно, могут подвергаться иноязычному вытеснению именно неустойчивые словарные категории, как наиболее легко атакуемые и незащищенные; здесь обнаруживается замена слов иноязычным материалом также как и своим; замена—заимствование есть частный случай замены вообще. Заимствование здесь есть не только и, может быть, не столько результат

влияния на данный язык другого языка в обстановке культурного взаимодействия, сколько проявление, в условиях общения с иноязычным населением, некоторой лексической динамики, присущей данному языку и определяемой общественностью населения, говорящего на этом языке.

Естественно, что сила языковой традиции в неустойчивых словарных категориях сказывается менее сильно, чем в устойчивых, и они более открыты для всяких деформаций, в частности по линии вхождения чужого языкового материала.

IV.

§ 8. Очень любопытную картину дают заимствованные от финнов названия домашних животных; здесь как будто ясны общие условия заимствования: хозяйственные взаимоотношения. Однако не приходится ограничиться простой ссылкой на культурные влияния: во первых, самое влияние финнов на русских в области животноводства (даже оленеводства) просто ничтожно, судя по количеству и качеству заимствованных слов; во вторых, самый характер этих заимствованных слов наводит на несколько другие предположения.

Обратимся к материалу: 1) петач «нехолощенный бык», 2) варжа «плохой или еще очень молодой жеребец», 3) три названия для оленя-самца: гирвас «олень-самец на втором году», кундус «трехлетний олень-самец», урак «годовалый олень-самец». Прежде всего отмечу, что все эти названия являются названиями самцов; затем укажу на некоторую терминологическую пестроту связанную с ними: рядом с контус (четырёхлетний олень-самец) (арх. кол.) существует наше кундус (арх. мез. кол.); в кол. рядом с гирвас существует ирвас, а рядом с ними в том же значении употребляется шардун (см. Подвысоцкий, s. v.); там же олений самец на третьем году носит название убарас, убарс, уварс. Таким образом для части этих названий мы можем наверняка утверждать, что они

не являются предметом сколько нибудь широкого языкового обмена, специализируясь по отдельным местностям данного района. Сравним также то, что сказано Dauzat о не дойных и не убойных животных, в частности о самцах производителей. Эти соображения говорят, что мы имеем здесь заимствования в области неустойчивой части названий домашних животных. Однако вышеприведенные названия интересны еще и с другой стороны. Все эти названия суть частные, подробностные названия: «нехолощенный бык», «плохой или еще очень молодой жеребец», «трехлетний олень-самец» и пр. Это, конечно, не случайно. Мне думается, что частные названия, а также названия частей, вообще подробностные названия, являются менее устойчивыми, а следовательно более подверженными заменам, чем названия общие и названия целых предметов; причем значение имеет здесь не логическая и психологическая сторона дела, а попросту тот факт, который мы принимали во внимание и выше: большая или меньшая частота употребления (активность) слова и отношение к размаху языкового обмена. Думается, что в отношении подробностных названий, мы имеем слабую степень как по первому так и по второму пункту. Другая категория названий — названия хозяйственных орудий, как будто подтверждает наши соображения (группы Kalima «Bauten... и. а.», о. с. 253 стр. и «Landwirtschaft», о. с. 254 стр.), где из девяти заимствованных названий шесть являются подробностными. О культурном влиянии Финнов здесь нет речи. По самому значению заимствованных слов скорее всего и здесь мы имеем дело с заимствованием по линии замены в области неустойчивых элементов словаря.

§ 9. Мы имеем следующие заимствования в категории хозяйственных орудий: 1. курик «род деревянного молота, легче и меньше чекмаря», 2. брюза «цеп, молотило», 3. кóкница «железный молот, насаженный на длинную палку; употребляется для разбивки комков земли»; 4. лудега «место, где железная часть косы прикрепляется к деревянной ручке»; 5. кавзак «ху-

дой, тупой нож»; 6. кинжа «железный клин, вбиваемый при посадке топора; вбиваемый в верхний конец топорнища гвоздь или клин для того, чтобы не соскакивал топор»; 7. тярега «ремешок из ивовой коры, которым привязывают косу к ручке»; 8. шарак «острие, зубец вил»; 9. шорпы, шорпаки «колючки, сучки, наконечники вил».

§ 10. Три первые слова являются названиями целых предметов, но как раз в отношении их имеются особые условия заимствования, — особые условия способствовавшие вхождению и закреплению этих слов в русском языке. Для курика необходимо отметить существование этого слова и в значениях: «палка с толстым концом», «цилиндрической формы кусок дерева, прикрепленный к снасти, чтобы она не заедала пл», причем первое значение существует в той же местности, где употребляется и курик «род деревянного молота»; в той же самой местности имеется еще слова курица «загнутый конец балки на котором лежит желоб для стока дождевой воды»; здесь же слово курик употребляется (наряду с лопарь) в значении «рыбка: бычек подкаменщик». Таким образом, здесь налицо условия омонимии, отчасти каламбурного характера (курица с одной стороны не могло не связываться с обычным словом курица, с другой стороны рядом с курик «палка, молот» есть также курик в значении рыбы; наконец курица является формально «женским родом» к курику). Несомненно отмеченные обстоятельства способствовали закреплению слова курик в говоре данной местности.

Название кокица, по мнению Kalima, является заимствованием из карел. kuokka, люд. kuokk, вепс. kok «шаске»; если даже согласиться с Kalima, то несомненно, что утверждению этого слова в русском языке способствовало существование в соответствующих говорах глагола кокать, кокнуть и существительного кока «легкий удар» (Куликов «Словарь обл. Олон. наречия», Спб. 1898. s. v.); русская суффикация этого слова показывает, что оно введено в лексический русский материал говора. Наконец, слово брюза. Kalima справедливо считает это слово

займствованиѣмъ изъ карельск. *briiiza* (*ibid.*), которое въ свою очередь займствовано изъ русскаго приуз «цепъ, молотило»; уже это одно обстоятельство показываетъ насколько неосторожно здѣсь говорить о займствованияхъ самаго предмета (и лишь въ связи съ этимъ словомъ). Кстати «приузъ» существуетъ въ Олонецкой губ. въ разныхъ вариантахъ: приузъ, привузъ, приуусъ, привузъ, приуздъ и даже припузно; самое многообразіе формъ для значенія «цепъ, молотило» показываетъ, что это слово не является предметомъ широкаго обмена и, следовательно, подвержено замамъ. Въ отношеніи проникновенія этого слова въ русскій языкъ также могло имѣть значеніе звуковое сходство («приузъ» — «*briiiza*»).

§ 11. Въ отношеніи займствованія частей хозяйственныхъ предметовъ мы опять таки не можемъ предполагать факта культурнаго вліянія финновъ, въ смыслѣ займствованія какихъ либо усовершенствованій и т. п. Это очевидно по самому значенію займствованныхъ словъ и явствуетъ также изъ болѣе детальнаго разсмотрѣнія матеріала. Здѣсь на лицо либо замена своего названія чужимъ въ порядкѣ замены неустойчивыхъ элементовъ словаря, либо новообразованіе, которое могло идти по линіи своего матеріала, а при наличіи «подъ рукой» чужаго — могло осуществляться въ порядкѣ займствованія. Такъ обстоитъ дѣло со словомъ лудега; сравните по этому поводу олон. *окосье* и «косье» съ тѣмъ же значеніемъ, между тѣмъ, какъ въ архангельскомъ *косье* и *криули* значитъ «рукоють косы» (Подвысоцкій, 72), для каковаго значенія въ олон. имѣется *косьявище* (Куликовъ, 42). Принадлежность этихъ словъ къ неустойчивымъ бросается здѣсь въ глаза (налицо и некоторая пестрота терминологіи). Аналогично обстоитъ дѣло и со словомъ кавзакъ (ср. олон. *косорь* «пренебрежительно зовутъ затупленный ножъ», арх. и олон. *тупикъ*) (Подвысоцкій и Куликовъ, s. v.). Особенно ясно отсутствіе займствованія подробностныхъ *realia* на случаѣ олонецк. арх. *кинжа*, которое займствовано изъ карельск. *kīñži* «гвоздь» (вообще); зато карельск. *kiñša*, со значеніемъ тожественнымъ съ русскимъ, само займствовано изъ русскаго *кинжа*.